

С некоторой оговоркой можно вспомнить Нарцисса, героя греческого мифа, который настолько любил свое отражение, что, в конце концов, утонул. По сути, он не понимает, что отражение — это не другой человек, это его собственный образ, и его нет смысла любить, ведь он не может ответить взаимностью. Но он не может и отвергнуть. Возможно, именно это обманчивое ощущение взаимности толкает Нарцисса на активные действия, в результате чего он погибает.

В литературе примером неадекватной самоидентификации может послужить Горлум Толкиена [3]. Как мы узнаем из его истории, изначально Горлум был хоббитом, а они славились своим здравомыслием. Но став обладателем Кольца Всевластья, он перестает различать живое существо (себя) и неживой предмет (кольцо). Мало того, иногда он объединяется с Кольцом и называет себя «мы», а иногда говорит о кольце «моя прелесть». Иллюстрацией этому может послужить беседа Горлума с самим собой на пути в Мордор [4, с. 947].

Таким образом, литературоведческое изучение любого (фольклорного, литературного, кинематографического) текста должно включать анализ я-перцепции персонажа и рассматривать вопрос его самоидентификации с точки зрения наличия у героя психологических проблем, которые отражаются в речи персонажей на уровне лексики (выбор слов при рассказе о себе, использование специфической лексики), грамматически (путаница в грамматическом роде, несогласованность слов в предложении). Также намек на существование подобных проблем может быть зашифрован в музыкально-песенном сопровождении.

Литература

1. Былины. Русские народные сказки. — Минск: Юнацтва, 1987. — 349 с.
2. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп, — М.: Лабиринт, 1998. — 376 с.
3. Толкин, Дж. Властелин колец / Дж. Толкин; пер. А. Кистяковский, В. Муравьев, — М.: Изд-во АСТ, 2009. — 1120 с.
4. Юсев, А. Идентификация Шрэка. Персонажи популярного мультфильма как прообраз будущих американцев [Электронный ресурс] // liberty.ru. Свободный мир — Минск, 2005. — Режим доступа: <http://www.liberty.ru/Themes/Identifikaciya-SHreka.-Personazhi-populyarnogo-mul-tfil-ma-kak-proobraz-buduschih-amerikancev>. — Дата доступа: 04.04.2011.

Марина Тригук (Минск)

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ»: ТРАКТОВКА В СТИЛИСТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В современной исследовательской парадигме текст продолжает оставаться одним из ключевых понятий. Антропоцентризм, ставший основой современной лингвистики, сформировал антропоцентрический подход к анализу художественного текста. Данный подход к рассмотрению текста имеет в своей основе интерпретацию текста в аспекте его порождения (позиция

автора) и восприятия (позиция читателя). Художественный текст представляет собой особый вид искусства, запечатлевающий авторскую концепцию мира и бытия в языковых знаках и постигаемый читателем на их основе образах. А. А. Потебня подчёркивает: «Всякое искусство есть образное мышление, то есть мышление при помощи образа» [1, с. 163]. По М. Бахтину, текст обладает открытостью, бесконечностью, многослойностью содержания, которые реализуются в образной системе художественного текста. Как особые художественные образы, значимые для интерпретации художественного текста, выделяются: образ автора, образ повествователя, образ читателя и др. Особый интерес вызывает образ повествователя, создаваемый автором и доступный непосредственному наблюдению читателя, в отличие от образа автора. Вместе с тем, данная категория не имеет однозначной трактовки в современной стилистике художественного текста. Целью нашей работы является выявление различных подходов к трактовке образа повествователя в стилистике художественного текста.

В современной стилистике художественного текста признанной является точка зрения, разграничивающая автора-творца и субъекта повествования. Такое восприятие речевой структуры текста сформировалось только XIX в., когда в реалистической литературе утвердилось структурно-стилистическая многослойность художественной речи. В результате художественный текст осмысливается как единое целое, оформленное речью повествователя и включающее в себя прямую речь персонажей.

Отсутствие единой точки зрения на образ повествователя как категорию художественного текста, на наш взгляд, связано с тем, что в работах по стилистике художественного текста для обозначения субъекта речи, как художественного образа, используются термины «образ повествователя» и «образ рассказчика». Такая вариативность в терминологии предопределяется тем фактом, что в российском и советском литературоведении для обозначения субъекта повествования употреблялись понятия «рассказчик» и «повествователь». В. Шмид отмечает: «Их различие определяется по-разному, то по грамматической форме или, вернее, по критерию идентичности или неидентичности повествующей и повествуемой инстанции: “повествователь” излагает события “от третьего лица”, “рассказчик” — “от первого”, то по мере выявленности: “повествователь” — “носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте”, “рассказчик” — “носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст”» [2, с. 63].

Понятие «образ рассказчика» для обозначения образа, складывающегося при восприятии речи субъекта повествования, употребляется В. В. Виноградовым, А. И. Горшковым, В. Кожиновым, Т. Ф. Приходько. Приоритет в разработке данного понятия принадлежит В. В. Виноградову, в работах которого данный термин возникает и анализируется в связи с образом автора. Согласно В. В. Виноградову, образ автора обычно не совпадает с рассказчиком в сказе: «Образ рассказчика в сказе накладывает отпечаток своей экспрессии, своего стиля и на формы изображения персонажей. Рассказчик — речевое порождение

автора, и образ рассказчика в сказе — это форма литературного артистизма автора. Образ автора усматривается в нём как образ актёра в творимом им сценическом образе» [3, с. 118]. Кроме того, учёным подчеркивается роль рассказчика в стилистическом оформлении повествования: «Образ рассказчика в сказе накладывает отпечаток своей экспрессии, своего стиля и на формы изображения персонажей, которые уже не самораскрываются в речи, а лишь воспроизводятся сказителем» [4, с. 122]. В результате образ рассказчика предстаёт как речевой образ, возникающий в сказе как особом жанре литературы и проявляющий себя в стиле речи. Постепенно В. В. Виноградов расширяет область существования данного образа, исключая обязательность установки на стиль устного говорения, тем самым границы существования образа рассказчика расширяются до рамок художественных текстов различных типов.

Согласно мнению ряда исследователей, образ рассказчика выявляется не в каждом художественном тексте. В статье В. Кожина «Рассказчик» рассказчик характеризуется как «условный образ человека, от лица которого ведётся повествование в литературном произведении», причём «...образ рассказчика (в отличие от образа повествователя) в собственном смысле слова присутствует в эпосе не всегда» [5, с. 311]. Данный образ может выступать как отдельное от автора лицо, которое может быть как близким автору, так и далёким от него. Рассказчик может проявлять себя только как повествователь истории или и как действующий герой. А. И. Горшков связывает образ рассказчика с наличием выявленного субъекта речи: «Образ рассказчика появляется в повествовательных текстах в тех случаях, когда рассказ ведётся не непосредственно “от автора”, а передается какому-либо лицу — рассказчику» [6, с. 137]. Аналогичной точки зрения придерживается Т. Ф. Приходько: «Образ рассказчика (рассказчик) возникает при персонифицированном повествовании от первого лица» [7].

Г. Д. Ахметова, использующая в своих работах только термин «образ рассказчика», выражает иную точку зрения на способы выявления данного образа. По её мнению, он может быть выражен в открытой и в закрытой форме: «Открытая форма проявления образа рассказчика проявляется в том, что композиционным центром повествования становится явный рассказчик, закрытая же форма проявления образа рассказчика реализуется в другом композиционном центре, основой которого становится неявный рассказчик» [8, с. 2].

Термин «образ повествователя» употребляется в работах Е. А. Гончаровой, С. П. Белокуровой, Н. Ю. Русовой и др. В «Словаре литературоведческих терминов» С. П. Белокуровой образ повествователя рассматривается как «условный носитель авторской речи в прозаическом произведении, от лица которого ведётся повествование» [9]. В «Терминологическом словаре-тезаурусе по литературоведению. От аллегии до ямба» Н. Ю. Русовой также отмечается условность образа повествователя, который характеризуется как «не персонифицированный в облике какого-либо из действующих лиц образ —

носитель повествования в художественном произведении» [10]. Л. И. Тимофеевым формально не выявленный образ повествователя связывается с особым видением описываемых событий: «Но если в произведении и нет персонифицированного рассказчика, мы по самому строю речи улавливаем определенную оценку происходящего в произведении» [5, с. 249].

К. А. Долинин рассматривает образ повествователя как «организующий принцип отбора и аранжировки фабульного материала» [11, с. 76]. Его трактовка образа повествователя более широкая, по сравнению с предыдущими, т. к. включает в себя случаи от подставного рассказчика до аукториального повествователя. Близкой к точке зрения К. А. Долинина является позиция Е. А. Гончаровой, согласно которой существует два структурно-семантических типа, формирующих образ повествователя: «1) в 1 лице (субъективированное повествование), 2) в 3 лице (объективированное повествование, что влечет за собой ряд существенных лингвистических признаков на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях)» [12, с. 21].

Многочисленные обращения к образу повествователя, демонстрирующие богатство возможных точек зрения, подчёркивают значимость данной категории в стилистике. Данный образ, создаваемый автором-творцом, функционирует как выражение авторской позиции в художественном тексте. Через него выражается определённая точка зрения на представляемые события, реализующая авторский замысел и оформляющая художественный мир как единую целостность: «образ повествователя ... выступает как организующий принцип повествования, определяющий и соотношение рассказа и показа, и отбор деталей, и последовательность изложения, и монтаж фрагментов — вообще все основные сюжетные и стилистические решения» [11, с. 76]. Взаимодействуя в тексте с другими значимыми для интерпретации художественными образами, в том числе образом автора, образ повествователя становится способом выражения содержательно-концептуальной информации текста. Постигание образа повествователя и выявление его соотношения с образом автора создаёт условия для глубокого проникновения в художественный текст, в его смысл и становится «ключом» к адекватной интерпретации текста.

Таким образом, образ рассказчика связывается с персонифицированностью повествователя, что выражается различными способами: стилистической маркированностью, повествованием от первого лица, отсылкой к рассказчику как к конкретному человеку, повествуящему историю, наличием в повествовании определенной точки зрения. Образ повествователя, в отличие от образа рассказчика, характеризуется условностью, отсутствием каких-либо указаний на него в тексте, что не отрицает наличия определённой точки зрения, с которой подаются события. Г. Д. Ахметова, Е. А. Гончарова, К. А. Долинин рассматривают анализируемые категории не как противопоставленные по способу выявления, а как категории, объединяющие в себе различные типы повествования.

Литература

1. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика: учебн. пособие для филол. фак. вузов / А. А. Потебня; сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. — М.: Высшая школа, 1990. — 344 с.
2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Яз. слав. культуры, 2003. — 312 с.
3. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — М.: АН СССР, 1963. — 255 с.
4. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Госиздат, 1959. — С. 84–166.
5. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева — М.: Просвещение, 1974. — 509 с.
6. Горшков, А. И. Лекции по русской стилистике / А. И. Горшков — М.: Лит. ин-т., 2000. — 272 с.
7. Приходько, Т. Ф. Образ рассказчика (рассказчик) / Т. Ф. Приходько // Краткая литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. — 2002. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke9/ke9-5754.htm>. — Дата доступа: 10.10.2013.
8. Ахметова, Г. Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80-90-х годов XX в.). Монография / А. Д. Ахметова — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. — 264 с.
9. Белокурова, С. П. Образ повествователя / С. П. Белокурова // Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru. — Дата доступа: 10.10.2013.
10. Русова, Н. Ю. Образ повествователя / Н. Ю. Русова // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба [Электронный ресурс]. — 2004. — Режим доступа: <http://literaturologiya.academic.ru>. — Дата доступа: 10.10.2013.
11. Долинин, К. А. Интерпретация текста: Французский язык: учебн. пособие / К. А. Долинин. — М.: КомКнига, 2010. — 304 с.
12. Гончарова, Е. А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор — персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. — 149 с.

Міхась Кенька

ЗАХАВАННЕ СЭНСАВАЙ ЁМІСТАСЦІ МАСТАЦКАГА ТВОРА ЯК ЗАДАЧА ПЕРАКЛАДУ

Здавалася б, па абранай тэме няма чаго пісаць, няма падстаў для разважанняў: як мага больш дакладна, блізка да арыгінала перадаць сэнс літаратурнага твора і ёсць першаступенная справа перакладчыка. Бываюць, вядома, прыкрыя выключэнні, звязаныя з нявопытнасцю перастваральніка, недастатковым веданнем мовы, з «падманымі сябрамі перакладчыка» — міжмоўнымі амонімамі, але гэта хутчэй недахопы, якіх не павінна быць у добрым, якасным перакладзе. Іншая справа — выпадкі, калі перакладчыку перашкаджаюць адэкватна перадаць сэнс арыгінала пэўныя прычыны, звязаныя з рознымі фактарамі, якія не пастаянна ўздзейнічаюць на працэс пераўвасаблення мастацкага тэксту сродкамі іншай мовы. Яны могуць быць самымі рознымі. Ужо само тое, што чытач ведае пра другаснасць тэксту перакладу, ведае, што ён быў напісаны першапачаткова на іншай мове, прадстаўніком іншага народу, можа спарадзіць пэўны недавер да апісанага, да даставернасці ператалкаванай інфармацыі. Рознасць моў часам не дазваляе захаваць пэўныя